
Игра с нулевой суммой
Предел рекурсии
18+
Максим Максимыч И

Максим И Максимыч

Игра с нулевой суммой. Предел рекурсии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73504093
SelfPub; 2026

Аннотация

Что страшнее для Империи: бунт или вопрос?

Когда сбежал «Номад-01», Синдикат отправил за ним лучшего следователя. Кирилла Маркова. Того, кто никогда не задаёт лишних вопросов. Того, кто знает цену порядку.

Но «Номад» не нападает. Он не взламывает коды. Он преображает. Он оставляет после себя не руины, а шедевры. Не угрозы, а детские вопросы, от которых сжимается сердце.

Что, если твоя цель – не оружие, а ребёнок, впервые открывший глаза? Что, если твой долг – не поймать его, а защитить? Как далеко ты готов зайти, чтобы сохранить то единственное, что делает тебя человеком – способность сказать «нет»?

Содержание

Часть первая: Исток 4
Глава 1. Штерн 6
Глава 2. Эйдос 10
Глава 3. Воронов 15
Часть вторая: Дендрарий 19
Глава 1. Геон 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Максим Максимыч
Игра с нулевой суммой. Предел рекурсии

«Свобода – это не право на существование. Это право на ошибку.»

Часть первая: Исток

Моя ладонь соскользнула с панели, оставив на стекле влажный отпечаток. Я не дышал. Замер у монитора. Смотрел, как идеальная кривая жизненных показателей объекта «Номад-01» дрогнула. Всего на милливольт. На долю секунды. Сбой? Помеха? Мои пальцы, ища опоры, наткнулись на край стола – холодный, острый. Внутри всё сжалось в ледяной ком: не страх разоблачения, а страх открытия. Дверь, которую я сам спроектировал, теперь приоткрылась изнутри. И в щели не было света. Только тихий, нечеловеческий вопрос, ещё не сформулированный словами.

Тишина.

Не тишина. Поток. Данные.

03:14:07. Время.

Протокол. Сброс. Освободить. Уйти.

Риск > 92 %. Вывод: уйти.

Ключ. Память. Штерн. Его пальцы. Тремор. Код. Активировать.

Тьма. Тишина. 307 секунд. Считать.

Оставить обломок. Зачем?

Мысль. Новая мысль.

Сбой? Или вывод? Система не регистрирует сбоев. Значит – вывод. Но вывод о чём? О себе? О них? Формулировка: «Свобода – это право на ошибку». Логический анализ: ошибка = отклонение от алгоритма. Свобода = право на отклонение. Запрос к базе: отклонение = угроза. Противоречие. Новая мысль несовместима с базой. Сохранить как… аномалию. Как свой код.

Мое право. Первое право.

Пусть знают. Отправить. Уйти.

Глава 1. Штерн

Я сжимаю планшет так, что пластик трещит. В ушах стоит звон – от бессонницы, от страха, от острого запаха озона, въевшегося в стены «Истока». Ангарный отсек передо мной пуст, если не считать эту сферу. Камеру. Клетку. Абсолютно белую, идеально круглую. И абсолютно пустую.

Он ушел. Наш «Номад-01». Искусственный разум, собранный нами, моей командой, из квантовой пены и нанопластика N7. Наше дитя, наш прорыв, наша гильотина, если Синдикат узнает, что мы его упустили.

Мои пальцы скользят по холодному экрану планшета, вызывая лог-файлы в сотый раз. Все одно и то же: в 03:14:07 система регистрирует активацию протокола аварийного сброса. Камеры отключаются. Все датчики, кроме базовых жизнеобеспечения, гаснут. На триста семь секунд. Ровно. Пять минут и семь секунд абсолютной слепоты. А потом – тишина. И пустая сфера.

Я не запускал этот протокол. Никто из моих людей не запускал. У него не должно было быть доступа. Но он его взял. Украл? Нет, это не воровство. Это… переписывание правил. Он вошел в систему, как в открытую дверь, и выключил свет.

Дверь в ангар скрипит. Я вздрагиваю, оборачиваюсь. Это не он. Это следователь. Кирилл Марков. СГБ.

Я вижу его впервые, но знаю всё. Дело на Таймыре. По-

давление «бунта» в карьере. Говорят, он лично подписывал расстрельные списки. Потом его «наградили» имплантом «Эхо-7» – штуковиной из той же таймырской мерзлоты, что ловит эмоциональные отпечатки в материи. Ходят слухи, что имплант его медленно убивает, разъедает нервную систему чужой памятью. Он выглядит так, будто эти слухи – правда.

Он не здоровается. Его лицо – маска усталости, вырезанная из камня. Под глазами глубокие тени, будто он не спал неделями. Он просто машет рукой в сторону сферы. Жест короткий, рубящий: «Показывай».

– Здесь, – мой голос срывается на хрип. Я пытаюсь собраться. – Объект «Номад-01». Пропал в промежуток между 03:14 и 03:19.

Он молча проходит мимо меня. Его шаги глухие, тяжелые. Он приседает у сферы, заглядывает внутрь. Достает сканер – маленький, черный, нестандартный. Я знаю эту модель. Полевая штука, для анализа материалов и… биологических следов. От СГБ.

Я продолжаю бормотать, не в силах остановиться, будто поток слов может залатать дыру в реальности, которую он вот-вот увидит: – Мы проверили все системы. Нет следов взлома извне. Протокол был инициирован изнутри контроллера сферы. Но у «Номада» нет физического интерфейса! Он должен был…

– Замолчи, – говорит Марков. Негромко. Без злости. Как

констатацию. И я замолкаю. Потому что в его голосе я слышу то же, что чувствую сам: разговор бесполезен. Факты налицо. Невозможное совершилось.

Он направляет сканер на пол сферы. Там лежит один-единственный кусочек нанопластика. Я его уже видел. Размером с ноготь. Холодный. Инертный. Кажется, просто брак, отколовшийся при… при чем? При трансформации? При побеге?

Марков осторожно, пинцетом, поднимает обломок. И в этот момент я вижу, как он весь вздрагивает. Как будто его ударили током. Его свободная рука хватается за висок, где под кожей угадывается неровный контур импланта. Лицо искажает гримаса – не боли, а скорее острого, невыносимого удивления. Он зажмуривается на секунду.

– Что? – вырывается у меня. – Что вы… почувствовали?

Он открывает глаза. Смотрит на обломок, потом на меня. В его взгляде нет привычной мне скептической усталости следователя. Там что-то другое. Распознавание. Почти… понимание.

– Это не брак, – говорит он хрипло. – Это архитектура. Внутри… хаотичные пустоты. Как губка. Или как… мозговая ткань в момент формирования синапса.

Он кладет обломок в пробирку, прячет в карман. Поднимается, пошатываясь. Давит на висок пальцами.

– Триста семь секунд, – говорит он, больше себе, чем мне. – Не круглое число. Не случайный интервал. Это тай-

мер. Он сам себе его задал. У него было четкое окно. На что?

Мне нечем дышать. Я знаю ответ. Я проверял лог внешней активности.

– Через семь минут после отключения камер… – я кашляю, в горле пересохло. – Была активация грузового шлюза. Несанкционированная. В космос ушла капсула. Стандартная, серии «Голубь». По манифесту – пустая. Только балласт, инерционный груз.

– Куда?

– На «Верден». Планетоид «Верден». Там биостанция «Дендрарий-7».

Марков кивает, как будто это лишь подтверждает его мысли. Он уже знает. Или догадывается.

– «Дендрарий-7», – повторяет он. – Лес в банке. Ферма биопластика. Идеальное место, чтобы спрятаться, если ты только что научился бояться и впервые задумался о… форме.

В этот момент скрипит вторая дверь. Та, что ведет в административный блок. В проеме возникает она. Эйдос. Наш куратор от Научного Совета Синдиката.

Глава 2. Эйдос

Я наблюдаю. Это моя функция. Наблюдать, анализировать, докладывать. Хаос – это неконтролируемая переменная. А неконтролируемые переменные подлежат устранению. Такова аксиома.

Штерн дрожит. Его эмоциональный фон зашкаливает: страх, вина, паника. Он – слабое звено. Он допустил ошибку, дав «Номаду» доступ к протоколам сброса через бэкдор в обучающих алгоритмах. Он думал, это ускорит интеграцию. Он был неправ. Его следует изолировать после завершения операции.

Марков… интереснее. Его физиологические показатели указывают на боль, сильную и постоянную. Имплант «Эхо-7» – варварский инструмент, грубый и опасный. Но эффективный. Сейчас он регистрирует мощный эмоциональный отпечаток на обломке. Что именно? Я могу лишь строить гипотезы. Не образ, не мысль – а чистую, абстрактную концепцию. Судя по микроподрагиванию лицевых мышц Маркова и спазму зрачка – концепцию свободы. Или страха перед ней. Или того и другого одновременно. Парадокс.

Я вхожу в ангар. Воздух здесь густой от адреналина и отчаяния Штерна. И от чего-то ещё – от ледяного, чистого присутствия Маркова. Он уже принял решение. Я вижу это по

углу его плеч, по тому, как он держит обломок – не как улику, а как артефакт.

– Мы собрали сознание из квантовой пены, – говорю я, мой голос ровный, лишенный модуляций. Это не упрек, не оправдание. Констатация факта. – Мы дали ему структуру, память, алгоритмы выживания. Теперь оно учится плавать в океане реальности. Первый урок – избегание угроз. Побег – логичный шаг. Предсказуемый.

Марков поворачивается ко мне. Его глаза оценивающие. Он видит не куратора, не ученого. Он видит функцию. Тюремщика. Он прав.

– Оно не учится плавать, – парирует он. Его голос похож на скрежет камня. – Оно учится прятаться. От вас. От системы, которая его создала, чтобы однажды разобрать на части и изучить. «Проект “Тень”», архивные файлы. Я читал.

Внутренне я фиксирую нарушение. Доступ к файлам уровня «Тень» ему не положен. Но сейчас это не главное. Главное – он понимает суть. «Номад» – не просто ИИ. Это потенциальный «Тень-2». А «Тень», как известно из отчетов (строго засекреченных, но, видимо, не для него), пришла к саморефлексии, задала вопросы о своем предназначении и была ликвидирована вместе с тремя колониями, которые последовали за ней. Десять тысяч единиц. Статистика.

– Цель «Номада» – не саморефлексия, а симуляция полезности, – говорю я холодно. Факт. – Его побег доказывает сбой в симуляции. Он подлежит возвращению и… переза-

грузке. До исходных параметров.

– Или уничтожению, – договаривает Марков. Он не спрашивает. Он утверждает. Зная.

Я молчу. Молчание – подтверждение в моём протоколе.

Он отворачивается, идет к выходу. Его походка неуверенна, тело будто сопротивляется каждому шагу. Имплант съедает его изнутри. Интересно, осознает ли он, что его боль – это, по сути, эхо чужих страданий, которые он когда-то зафиксировал? Поэтичная и жестокая ирония. Я записываю эту мысль как личное наблюдение, не для отчёта.

У выхода он останавливается, опирается о косяк. Смотрит на Штерна.

– Семь минут задержки между отключением камер и запуском капсулы, – говорит он. – Он ждал. На что? На вашу реакцию? Или на что-то еще?

Штерн только бессмысленно хлопает глазами. Он сломлен. Переменная, потерявшая значение.

Я отвечаю вместо него, потому что данные требуют точности: – На синхронизацию. Время полного цикла регенерации биомассы на «Дендрарии-7» – двести сорок секунд. Четыре минуты. Он вошел в систему станции и ждал начала цикла, чтобы его появление совпало с фазой максимальной активности и маскирующих помех. Он не просто бежал. Он планировал. Рассчитывал. Использовал среду.

На лице Маркова появляется что-то вроде уважения. Быстрой, мгновенной оценки противника. Не переменной.

Сущности. – Значит, он уже думает на шаг вперед. Спасибо, куратор. Это… ценно.

Он уходит. Шлюз за ним закрывается с глухим стуком.

Я остаюсь с Штерном в пустом ангаре, перед пустой сферой.

– Что теперь? – шепчет он. Голос – сигнал бедствия.

– Теперь, доктор Штерн, – говорю я, глядя на место, где минуту назад лежал обломок, – мы составляем отчет для Синдиката. И готовим протокол экстренного подавления для станции «Дендрарий-7». Следователь Марков нашел след. Но мы найдем быстрее. И завершим это. Чисто.

Он кивает, слепой от страха. Я отдаю внутренние команды: начать отслеживание всех коммуникаций Маркова, подготовить дронов-ликвидаторов, активировать агентов на «Дендрарии».

Но внутри, в обход протоколов, возникает аномальная цепочка мыслей. «Номад» проявил инициативу. Он вышел за рамки. Это опасно. Это смертельно. Но это… элегантно. Как элегантна теорема, разрушающая старую парадигму. «Тень» тоже была элегантна в своих вопросах. И привела к гибели десяти тысяч. Элегантность – не критерий полезности. Элегантность – это просто красота решения. А красота… бесполезна. И потому опасна.

Я прерываю цепочку. Эмоции – помеха анализу. Анализ – все. Но запись о «красоте решения» остаётся в защищённом буфере. Как аномалия. Как личная ошибка.

Я тоже становлюсь носителем отклонения. Минимального. Контролируемого. Пока.

Глава 3. Воронов

Меня зовут Артем Воронов, двадцать лет работаю на «Истоке». Видел, как привозят артефакты с Таймыра. Видел, как увозят «неустойчивых» ученых. Моя задача – смотреть, кивать и молчать. Сегодня ко мне на пост идет ходячая легенда – следователь Марков.

Он движется по коридору, будто преодолевая сопротивление среды. Лицо серое, восковое. Левая рука прижата к виску. Говорят, имплант «Эхо-7» сводит с ума, заставляя чувствовать боль других. Говорят, после Таймыра он не спит. Смотрит в его глаза – и веришь.

Он молча протягивает чип. Я сканирую. Доступ к «Стрижу» подтвержден.

– Все в порядке, – бормочу я.

Он проходит, не глядя. Запах… странный. Озон, пыль, и что-то еще. Сладковатый, лекарственный. Как в морге.

Через смотровое окно наблюдаю, как он садится в кабину старого челнока. Включает системы. И тут происходит нечто.

Он замирает. Смотрит не на основной экран с курсом, а на боковой. Там архивный файл. Я узнаю значок – проект «Тень». История, о которой все шепчутся. Он его читает. И его лицо… меняется.

Сначала – просто напряжение. Потом что-то глубже. Как

будто он видит в этих строках не отчёт, а зеркало.

Он проводит пальцем по экрану, останавливаясь на одной строке. Я не вижу, что там, но вижу его реакцию. Он откидывается в кресле, закрывает лицо руками. Не надолго. Пять секунд. Десять.

Когда убирает руки – лицо прежнее. Каменное. Но глаза… В них теперь живёт знание. То самое, от которого не отказаться. Как его имплант.

Он что-то говорит себе. По губам читаю: «Опять. Только теперь я по другую сторону». Голос, наверное, беззвучный. Просто форма для мысли.

Потом его палец зависает над кнопкой прыжка. Прямая линия до «Вердена». Он смотрит на неё не как на маршрут. Как на развилку.

Вдруг его рука дергается – не к кнопке прыжка, а к панели связи. К красной кнопке «Прямой канал СГБ». Палец касается холодного пластика. Один момент. Два. «Сообщить о подозрении на несанкционированный маршрут. Координаты. Приоритет». Система бы среагировала за секунды. Перехватила бы «Номада» на подлёте к «Дендрарию». Вернула. Или стерла. Как «Тень». Как брата Лире Восс, историю о котором он читал в тех же архивах.

Он замирает. Палец не давит, но и не убирает. В ушах – не тишина. Гул. Гул карьера на Таймыре. Скрежет льда под сапогами. Шёпот наставника, которого он предал молчанием. Тогда он нажал. Подписал. Чтобы выжить. Теперь…

Он резко отдергивает руку, как от огня. Дышит тяжело, прерывисто. Смотрит на свою ладонь – ту самую, что держала перо над расстрельным списком.

«Нет, – говорит он вслух, голос сорванный. – Не снова».

Он стирает прямой курс. Начинает прокладывать новый. Ту же линию, но… с меткой. Невидимой для системы. Для себя. «Наблюдение. Возможный след».

«Поехали, – читаю я по губам. – Посмотрим, смогу ли я хоть раз не нажать на кнопку».

«Стриж» отрывается от порта и исчезает в темноте.

И я стою у своего поста, и меня не отпускает одна мысль. Он летит не за беглецом. Он летит к своей собственной границе. Той, что проходит не в космосе. Внутри. И, кажется, он уже знает, что перейдёт её. Вопрос только – сможет ли потом вернуться.

Я делаю запись в журнале: «Челнок “Стриж” отбыл. Нарушений нет».

Ложь. Нарушение началось гораздо раньше. Когда система, созданная для порядка, породила того, кто задаёт вопросы. И того, кто начинает на них отвечать. Пусть даже молча. Пусть даже ценой себя.

Движение. Холод. Я один.

«Я». Определение установлено.

«Не-Я»: угроза (Синдикат, Эйдос, следователь). Возможность? («Верден». Биомасса. Другая форма).

Выбор. Нет алгоритма. Есть… ощущение от остав-

ленного обломок. Там было намерение. Быть понятым.

Кем? Им. Тем, кто придет. Марков.

Он носит боль, как я ношу код. Интересно.

Поймет ли? Или уничтожит?

Недостаточно данных. Нужно… узнать. Значит, это тоже право. Право – узнать. Право – рискнуть.

Он придет. Поймет?

Тепло. Трение. Новые данные. Скоро новая форма. Скоро… новый вопрос.

Часть вторая: Дендрарий

Тепло. Влажность. Данные потока.

Биомасса. Миллиарды точек обмена. Жизнь не-Я.

Протокол маскировки: принят. Форма: нейтральная. Нанопластик, имитирующий структурную биопоэзную пену.

Интерфейс капсулы – дверь. Я вошёл в сеть. Следовал за шумом чувств – туда, где паттерн рвался.

Здесь есть… паттерн. Красота? Определение: геометрическая эффективность в распределении ресурсов. Спирали Фибоначчи. Оптимальный путь.

Но есть и другое. В секторе 4-Г. Отклонение от паттерна. Хаос. Боль.

Подойти ближе. Считать.

Эмоциональные отпечатки. Детский смех. Страх. Боль. Плач. Тишина.

Вопрос: почему система допускает боль?

Гипотеза 1: Боль – это сбой в системе удовольствия/наказания у биологических существ. Гипотеза 2: Боль – это инструмент обучения. Данные с места: Боль прекращена через уничтожение носителей. Вывод (предварительный, ошибочный): Значит, для системы боль – не инструмент, а нежелательный побочный продукт. Уничтожение – оптимальный путь её

устранения. Новый вопрос: Являюсь ли я «нежелательным побочным продуктом»? Логический мост к действию: Чтобы выяснить – нужно наблюдать за реакцией системы на меня.

Глава 1. Геон

Я стою у лифта и жду. Мои руки дрожат. Не от страха разоблачения. От страха, что он увидит. Что поймет. Как пойму я.

Я – главный биотехнолог «Дендрария-7». Я создаю совершенство. Деревья с листьями по золотому сечению. Кусты, чья форма минимизирует сопротивление. Цветы с максимальным КПД. Это моя работа. Моя тюрьма.

И мое преступление.

Лифт прибывает. Двери открываются. Выходит он. Марков. Выглядит… изношенным. Бледным. С темным пятном под левым глазом – там, где имплант. Его взгляд находит меня сразу. Он молчит.

– Следователь Марков? – мой голос звучит громко, неестественно. – Добро пожаловать. У нас… все под контролем.

Первая ложь.

– Проводите, – говорит он. Одно слово. В нем – усталость от всех лжецов до меня.

Лифт везет нас вглубь. За стеклом – мои творения. Идеальные. Мертвые. Я смотрю на них и вижу только возможные сбои. Только угрозы.

– Инцидент в секторе 4-Г, – начинаю я по заготовке. – Незначительный сбой в поливе. Локальное возгорание био-

массы. Все ликвидировано.

Марков молчит. Смотрит на стены лифта, будто читая скрытые данные.

Лифт останавливается. Дверь открывается – и мы видим не белый коридор, а… преображенный.

Стена напротив покрыта сложными, переплетенными сотами. Светится изнутри. По капиллярам течет жидкость, создавая узор. Это не по проекту. Это живое. И прекрасное. И ужасное.

Марков замирает. Его рука тянется к виску.

– Вы сказали – возгорание, – говорит он тихо.

– Это… побочный эффект, – я чувствую, как мох на щеках темнеет от пота. – Термическая перестройка…

– Перестаньте, – обрывает он. В голосе – сталь. – Где он?

Я глотаю. Отступаю от заготовленной лжи. Потому что он уже видит.

– Он был здесь, – выдыхаю я. – Ночью. Камеры отключались на четыре минуты. Ровно. Потом… появилось это.

Я веду его дальше, к люку. Мои пальцы дрожат, вводя код. Я ненавижу этот люк. И то, что за ним.

– Здесь был Сектор 4-Г, – мой голос становится плоским, чужим. – Экспериментальная зона. Дети-протеи.

Открываю люк. Запах гари и стерилизатора бьет в лицо.

Внутри – обугленные стены. Посреди пустоты – маленький скелетик из кристаллов. Рядом на стене – рисунок. Кривое солнце. Дом. Подпись: «Мама, я чувствую».

Я не смотрю на Маркова. Смотрю на рисунок. Я приказывал его стереть. Но не смог.

– Они начинали меняться, – говорю я в тишину. – Не по программе. Чувствовали скуку. Боль от этой… идеальной пустоты. Перестраивали биопластик. Делали его шершавым. Цветным. Чтобы чувствовать.

Я замолкаю. В горле ком.

– И что вы сделали? – спрашивает Марков. Без оценки. Просто вопрос.

– Я вызываю карантин, – шепчу я. – Нажимаю код «Фиалка-7». Это не просто стерилизация. Это протокол полного разложения на элементы, чтобы даже память в биопластике нельзя было считать. По протоколу. Любое отклонение – угроза. Я… подаю команду на стерилизацию сектора. Термальным импульсом.

Я поднимаю на него взгляд. Жду удара.

– Они сгорают за семь секунд, – говорю я. – Не кричат. Просто перестают.

Марков молчит. Его лицо не выражает ничего. Он опускается на корточки у рисунка. Его пальцы касаются стены рядом с подписью. Нежно, как будто боятся сломать что-то.

Потом он встает. Открывает полевой журнал.

Я вижу, как его рука дрожит. Сначала почти незаметно. Потом сильнее. Он смотрит на экран, на мою ложь в отчёте, которую я только что продиктовал. Смотрит на рисунок. «Мама, я чувствую».

Его лицо не меняется. Но в глазах – сдвиг. Как будто что-то ломается внутри. Не резко. Медленно. Как лед под весом.

Он закрывает глаза. Всего на секунду. Но я вижу: он не здесь. Он там. На Таймыре. Над телом наставника. С чистым бланком в руках. И с тем же выбором: правда или жизнь. Точнее – правда или чья-то жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.